

МЭТТИ, Майло и Я

Энн Эйбел

История
о любви,
утрате и о том,
как собаки
помогают
нам жить

Необыкновенные судьбы. Книги о
животных, изменивших жизни людей

Энн Эйбел

**Мэтти, Майло и я. История
о любви, утрате и том, как
собаки помогают нам жить**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эйбел Э.

Мэтти, Майло и я. История о любви, утрате и том, как собаки помогают нам жить / Э. Эйбел — «Эксмо», 2024 — (Необыкновенные судьбы. Книги о животных, изменивших жизни людей)

ISBN 978-5-04-245739-5

Любовь — действие, а не эмоция. Эта книга — личная история женщины, для которой спасением от хронической депрессии и тяжелых отношений с матерью стала собака по имени Мэтти. Когда Мэтти погибает под колесами машины, убитая горем героиня решает, что для утешения ей нужна помощь, и берет из приюта Майло, большого пса с непростым прошлым. Но вместо ожидаемой радости она получает ежедневный вызов: Майло сложный и непредсказуемый, а его воспитание становится борьбой за доверие. Это честная, жизнеутверждающая книга о том, как спасение другого помогает спасти себя.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-245739-5

© Эйбел Э., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Один	7
Два	10
Три	13
Четыре	17
Пять	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Энн Эйбел
Мэтти, Майло и я: история о любви, утрате
и том, как собаки помогают нам жить

Anne Abel

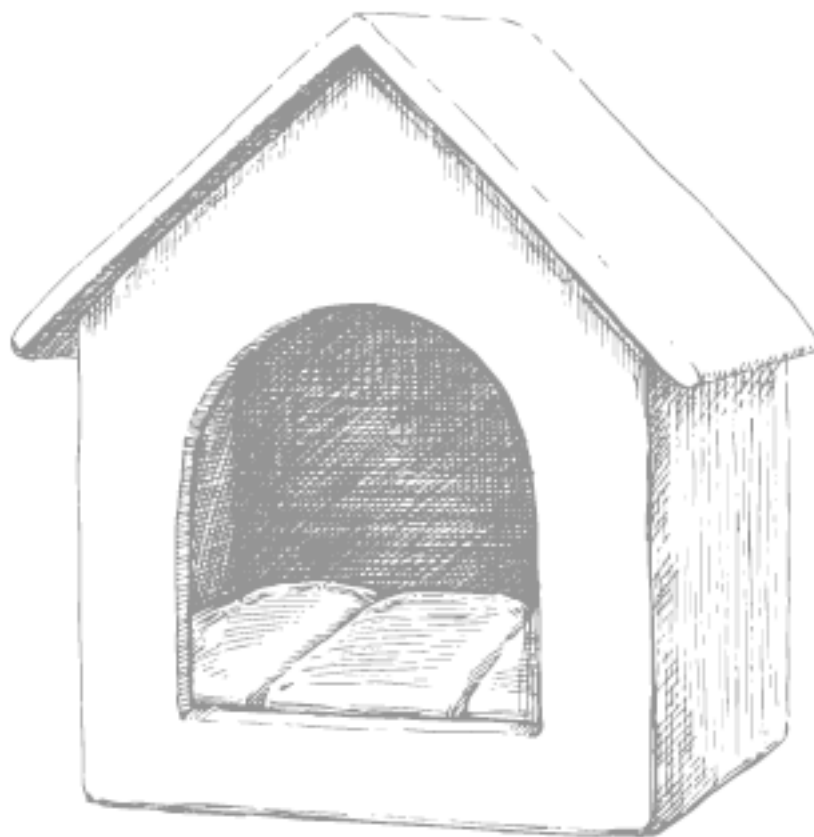
Mattie, Milo, and Me: A Memoir

© Яконюк А.В., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается Энди

Один

Открыв тяжелую деревянную входную дверь, я увидела на пороге сотрудника службы доставки; он был без форменной куртки, и посылок у него в руках тоже не было.

– Извините, мэ. Я только что сбил вашу собаку, – произнес он, едва дверь распахнулась.

Я как раз вернулась домой и позволила нашей девочке, ирландскому пшеничному терьеру Мэтти, выскочить через заднюю дверь. Я даже не успела снять куртку, когда раздался звонок, и не слышала шума автомобиля на нашей подъездной дорожке.

– Так, но с ней же все в порядке? – спросила я.

После такого сообщения я могла лишь надеяться на лучшее, что для меня вовсе не характерно. Я и в мыслях не допускала, что дело может обстоять как-то иначе.

– Я сбил ее насмерть. Она лежит возле грузовика, я завернул ее в свою куртку.

Он произнес это таким тоном, будто сообщал мне адрес своей последней доставки.

Я стояла, уставившись на курьера – мужчину без форменной куртки и посылок. Пыталась ухватиться за спокойствие, с которым он говорил. Но его слова пронзили меня, словно острый нож. Словно алая кровь хлынула из раны. Мои ноги подкосились, и я ничком повалилась на пол.

– Нет! – кричала я, уткнувшись лицом в ковер и колотя по полу руками и ногами. – Нет, нет, нет! – повторяла я, чувствуя, как пропитанный слезами шерстяной ковер царапает мне щеки.

– Извините, мэ, – услышала я голос курьера. Он зашел в дом и встал рядом со мной. – Я бы хотел остаться с вами, но мне нужно вернуться к своей машине и ждать полицию рядом с собакой.

Полиция? Какая полиция, зачем? Почему этому курьеру нужно вернуться к машине? Я попыталась представить Мэтти, сбитую грузовиком, но перед глазами все расплывалось. Даже эта размытая картина была для меня невыносимой. Я не могла заставить себя встать и пойти за этим мужчиной по подъездной дорожке к Мэтти, хотя и понимала, что это было бы правильно. Что я должна быть с ней, а не бросать ее на попечение незнакомца из службы доставки, который ее убил. Но сейчас это было выше моих сил – видеть, как моя собака, которую я так любила, которая всего пять минут назад прыгала от радости, встречая меня, лежит окровавленная и изувеченная. Видеть, что она мертва. Я физически не могла заставить себя подняться. Не могла видеть мою собаку мертвой.

Я подняла мокрое от слез лицо и взглянула на курьера.

– Ничего страшного, идите, – проговорила я. – Со мной все будет в порядке.

В порядке? Я правда сказала это человеку, который сбил мою собаку? Мой рот произнес «в порядке», но в голове звучало совсем другое: да какая разница, что вы там собираетесь делать? Разве теперь что-нибудь имеет значение? Вы убили не только мою собаку, но и меня вместе с ней. После того что произошло с моей милой, беззащитной Мэтти, жить я больше не хочу.

Мы смотрели друг на друга. Я – лежа на полу и задрал голову, он – стоя в паре дюймов от моего лица и глядя вниз с высоты своего роста. А потом он сделал шаг назад и двинулся обратно к входной двери.

– Ладно, – сказал он, все еще глядя на меня. – Если понадобится, вы знаете, где меня найти.

Он толкнул дверь и вышел на улицу.

Скрестив под грудью руки со сжатыми кулаками, я уронила голову на влажный ковер. Даже обычный день, когда внешне все благополучно, дается мне с трудом. У меня клиническая депрессия. Как же я смогу пережить бессмысленную, ужасную гибель Мэтти?

Образы в моей голове стремительно сменяли друг друга. Мэтти, выбегающая через заднюю дверь за несколько минут до случившегося. Мэтти, лежащая неподвижно под колесами курьерского грузовика. Мэтти, свернувшаяся калачиком рядом со мной в моей кровати. Эти картинки сменялись все быстрее и быстрее, пока у меня не потемнело в глазах.

Я будто застыла во времени и пространстве. А мой разум лихорадочно метался, то перематывая на скорости те семь лет, что Мэтти была нашей любимицей, то возвращаясь в бескрайнюю ледяную пустоту.

Когда курьер ушел к своей машине дожидаться полицейских, мне наконец-то удалось собраться с силами – я поднялась с пола и отправилась на кухню. Первым, что я увидела, войдя туда, были металлические миски Мэтти. Миска для воды оказалась почти полной. Я подняла ее с пола и, выливая воду в раковину, не удержалась от стога. Затем я взяла миску для еды и, повинаясь какой-то абсурдной логике, вложила ее в пустую миску, где прежде была вода.

Меня ничто не останавливало. Сделав несколько шагов, я подняла наполовину изгрызенного плюшевого единорога – единственную игрушку, которая приехала с Мэтти, когда мы привезли ее от заводчика. И вот я уже ношусь по всему дому – холл, гостиная, спальни на втором этаже – и собираю разбросанные повсюду игрушки Мэтти. Лишь когда я поняла, что у меня уже не хватает рук, чтобы удержать всех этих потрепанных плюшевых зверей, резиновые фигурки, мячики и пуллеры, я остановилась.

Вид принадлежавших Мэтти вещей причинял мне боль – казалось, она вот-вот ворвется и схватит одну из них. Я сбежала вниз по ступеням, метнулась в гараж и сбросила все, что держала в руках, в ближайший мусорный бак. Раздался негромкий, буднично-стук. Мусор вывезли накануне. Словно зачарованная, я смотрела на знакомые игрушки, сваленные на грязное дно.

Вот он, финал жизни Мэтти в нашей семье: смерть под колесами курьерского грузовика и куча наполовину изгрызенных игрушек на дне пустого пластикового бака.

Я вышла из гаража и, спотыкаясь, побрела на кухню, затем в столовую. Там я рухнула на ковер, проползла прямо на животе между стульями и затаилась лицом вниз под обеденным столом.

Прижавшись лбом к коврику, я разрыдалась. Мысли и воспоминания о Мэтти больше не терзали меня, я просто судорожно всхлипывала, сотрясаясь всем телом. К счастью, горе сделало свою работу: мой разум и тело словно погрузились в спасительную кому в безмолвном доме. Я перестала чувствовать что-либо. Даже саму себя.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я услышала, как кто-то прошел через кухню и снял трубку телефона.

– Я понимаю, сэр, – услышала я голос курьера. – Я знаю, что у нас много заказов, но я не могу просто так бросить ее здесь. Одну я ее не оставлю. Не беспокойтесь. Я развезу все заказы сегодня, обещаю. Буду работать до тех пор, пока не сделаю все, что должен. Я позвоню вам, когда буду выходить отсюда.

До Рождества 2001 года оставалось десять дней. Опасения руководителя службы доставки тронули меня даже в моем подавленном состоянии, но еще сильнее меня тронула

неожиданная доброта, с которой ко мне отнесся водитель грузовика, его забота обо мне вопреки требованиям компании, где он работал.

Курьер повесил трубку, и пару мгновений спустя я почувствовала, что он проскользнул ко мне под стол. Я лежала отвернувшись, но знала, что он устроился рядом. Затылком я ощущала его теплое дыхание. Мне не становилось легче от его присутствия. Но при этом я не испытывала ни раздражения, ни неловкости, оттого что этот незнакомец – человек, который убил мою собаку, – пробрался ко мне под стол и улегся рядом. Моя собака мертва. В это невозможно было поверить. И я думала лишь о том, как бы дожить до прихода моего супруга Энди. Он вот-вот должен был вернуться с работы.

– У меня никогда не было собаки, – сказал курьер мне в затылок. – Но есть кошки, поэтому я понимаю, что вы чувствуете.

Его голос звучал спокойно и ласково, а не механически, как в самом начале, когда он сообщил мне о гибели Мэтти. Я не повернулась к нему. Меня била дрожь, мое тело сейчас было невероятно хрупким, как и сознание. Казалось, малейшее движение – и я рассыплюсь прахом.

– Моего кота тоже в том году сбила машина, – произнес он с грустью. – Когда я говорю, что понимаю ваши чувства, это не пустые слова, поверьте.

Я не желала слушать, что там случилось с его котом. Мне было наплевать на его кота. Я вообще не люблю кошек. Я и собак не особенно любила. Просто случайно влюбилась в собаку, когда в очередной раз пыталась быть хорошей матерью.

Два

«Собака» было первым словом моего среднего сына Джозефа. А первым осмысленным предложением, которое от него прозвучало – «Я хочу собаку». Я бы не удивилась, узнав, что, едва придя в этот мир, он уже мечтал о собаке. К несчастью для Джозефа, даже несмотря на то что быть хорошей матерью – моя главная цель в жизни, я категорически возражала против собаки. Меня совершенно не интересовали собаки. Как и тот труд, что ложился на плечи их владельцев.

Моим планом было найти альтернативу собаке, чтобы задобрить Джозефа. Когда ему исполнилось три года, я заказала по почте лягушку – точнее, головастика. И вот несколько недель спустя, промозглым мартовским утром почтальон оставил записку о том, что в отделении нас ожидает посылка. Я пристегнула Джозефа в его автокресле, и мы отправились за посылкой. Я протянула зеленый листочек бумаги, который нам положили в почтовый ящик, мужчине в окошке. Взамен он выдал мне маленькую коробочку с оранжевой наклейкой, на которой значилось: «Внутри головастик. Хранить при комнатной температуре».

– Понимаете, мэм, – пояснил сотрудник почты, – мы не могли оставить коробку в вашем почтовом ящике. Там слишком холодно.

– Ну конечно, – сказала я.

– Можно посмотреть? Можно? – умолял Джозеф, подпрыгивая на месте.

– Хотите, я открою для вас коробку? – предложил почтовый служащий.

– Да, да! – выпалил Джозеф, прежде чем я успела открыть рот. – Я хочу его увидеть.

– Я тоже, – признался служащий, разрезал ленту на коробке и через стойку передал посылку Джозефу, изо всех сил тянувшего руки вверх.

Одной рукой Джозеф прижал коробку к груди, а другой вытащил стаканчик из пенополистирола. Я отодвинула с крышки стаканчика защитную сетку. Вероятно, испугавшись яркого дневного света, головастик выпрыгнул из воды, в которую его погрузили на время путешествия к новому дому.

– Ух ты, взгляни, Джозеф, – сказала я. – Это он прыгает от радости, что познакомился с тобой.

– Замечательный головастик, такой сильный, – заметил почтальон, присутствовавший при распаковке. – Да к тому же везучий, раз он отправится домой вместе с вами.

Джозеф, наряженный в красную вельветовую курточку, так и сиял.

Когда, благополучно вернув головастика в пластиковый стаканчик, мы ехали к дому, Джозеф сказал: «А давай назовем его Джей-Джей – в честь Джонни и Джозефа».

– Как трогательно, Джозеф, что ты подумал про своего брата, выбирая лягушонку имя, – ответила я.

Так головастик стал Джей-Джеем, а потом – лягушкой. Полупрозрачной генетически модифицированной лягушкой. Джей-Джей обитал в акриловом аквариуме, который мы поставили на середину кухонного стола. По мере того как Джей-Джей рос, мы делали его жилище все более просторным – до тех пор, пока владелец зоомагазина не рассказал нам, что эти лягушки растут пропорционально размеру их аквариума.

Друзья Джозефа тоже завели головастиков, которые превратились в генетически модифицированных лягушек и протянули в лучшем случае всего несколько месяцев. Но не таков был Джей-Джей. Прошел год, два, три. Джей-Джей чувствовал себя замечательно. Каждое утро, когда я заходила на кухню и зажигала свет, Джей-Джей вскакивал, словно пробуждаясь от ночного сна. И каждый раз я содрогалась, воображая, как однажды войду в кухню и найду Джей-Джея бездыханным – и тогда вера нашего сына в то, что этот питомец будет с нами вечно,

рухнет. Но месяц за месяцем, год за годом Джей-Джей продолжал все так же подпрыгивать по утрам, когда я заходила на кухню.

И все же, хоть Джей-Джей и казался вечным, желание Джозефа завести собаку не ослабвало. Каждый раз, когда он принимался за свое: «Можно мы заведем собаку?», я заманивала его в зоомагазин обещаниями купить более мелкого и неприхотливого зверька. Так в нашем домашнем зверинце появились песчанки, хомяки, рыбки, потом снова рыбки – и снова.

Ближе к концу третьего класса, когда Джозефу было восемь, он спросил, может ли он усыновить пятерых тритонов, которые жили в классе естествознания с начала учебного года. За четыре прожитых мной на земле десятилетия я ни разу не задумывалась о тритонах. Я знала о них только одно – что они маленькие. Малюсенькие. Этого знания мне было достаточно, чтобы с легкостью и энтузиазмом дать Джозефу согласие на усыновление тритонов. Не одного, не двух, а целых пяти! Иногда быть хорошей матерью так легко. В последний учебный день Джозеф ждал меня на тротуаре у школы, сияя и прижимая к груди шестидюймовый прямоугольный аквариум.

– Правда они милые, мамочка? – спросил он, едва устроившись на заднем сиденье и пристегнувшись, держа аквариум на коленях.

Я откинулась назад и принялась внимательно изучать стекло. Моим глазам потребовалось некоторое время, чтобы различить на покрытой мхом черной гальке крошечных черно-зеленых существ.

– Джозеф, таких милых насекомых я еще никогда не видела, – ответила я, изображая энтузиазм и одновременно вспоминая специалиста инсектицидной компании, который приходил к нам в дом в начале каждого месяца, чтобы опрыскать помещения от насекомых и грызунов. Тех, которые не в клетках.

– Мамочка, – прервал мои размышления Джозеф. – Тритоны не насекомые, а земноводные.

– Ого, как интересно! – я все еще разглядывала тритонов. – Я и не знала, что тритоны земноводные. Всегда узнаю от тебя что-то новое.

И это правда. Я не переставала удивляться тому, что слышала от своих мальчиков. Так, я ничего не знала о Беовульфе, пока Джонатан недавно не рассказал после занятий, как их учительница смастерила глиняные фигурки, чтобы изобразить сцены из эпической поэмы. О лиственных лесах я узнала, когда Джозеф однажды задумчиво произнес: «Джонни сказал, не надо грустить о том, что он переходит в среднюю школу, а я остаюсь в начальной. Он сказал, это как в лиственном лесу: деревья сбрасывают листья, чтобы солнечные лучи могли проникать к более низким растениям и деревьям, и что я вырасту и тоже стану высоким деревом».

Сидя в машине с Джозефом и наблюдая, как пять тритонов жмутся друг к другу в углу маленького аквариума, я в очередной раз испытала облегчение оттого, что мне удалось побыть хорошей матерью, что потребность Джозефа заботиться о ком-то удовлетворена и что при этом снова удалось обойтись без ужасающей меня собаки.

– Мамочка, – сказал Джозеф, оторвав взгляд от тритонов впервые с тех пор, как он сел в машину, и поглядев на меня. – Можно, мы заедем в зоомагазин и кое-что купим для тритонов? Мне было так грустно, когда все расходилось по домам, а они оставались в кабинете одни. И раз теперь это мои тритоны, я хочу, чтобы в их вселенной все было идеально.

Я смотрела на него, сраженная наповал. Пораженная тем, какой он чуткий и сопереживающий. Тем, что он способен представить одиноких тритонов ночью в пустом классе. И что он хочет придумать и создать для них идеальную вселенную.

– Джозеф, это замечательная идея. Твои тритоны просто счастливики, – сказала я и повернула ключ в замке зажигания. – Решено, едем в зоомагазин.

Пока я вслед за Джозефом бродила вдоль полок зоомагазина, наблюдая, как он бросает в тележку для покупок большие и маленькие камни, всякие штуки для аквариума, пластиковый

пруд и какой-то корм, я поймала себя на мысли о том, как же повезло этим тритонам. Как только они поселятся в своей идеальной вселенной, обретут свободу быть самими собой. Им не придется учиться отличать добро от зла. Не нужно будет делать то, чего они не хотят. Или в одиночку отправляться исследовать большой неизведанный мир. Пять везунчиков-тритонов будут вместе жить в своей идеальной вселенной... Ну, я не знала тогда, как долго живут тритоны, но понимала, что на протяжении всей их жизни, сколько бы она ни длилась, все пятеро будут довольны и окружены заботой.

Тритоны, как и остальные питомцы Джозефа (за исключением Джей-Джея, который отвоёвывал себе территорию на нашей кухне), жили в комнате сына. Он любил их и заботился о них. И, что удивительно, все они, как и Джей-Джей, прожили дольше отведенного им срока.

Трое из пяти тритонов, которые, как я выяснила, живут до двадцати лет, прожили по двадцать два года.

Джозеф очень любил тритонов, как и других обитателей своей спальни. Но продолжал мечтать о собаке. За несколько месяцев до своего десятого дня рождения он, взяв в сообщники двенадцатилетнего брата Джонатана, снова начал меня обрабатывать.

– С собакой столько возни, – говорила я.

– Ну и что, мы согласны с ней возиться, – уверяли сыновья в один голос.

– Знаете, – настаивала я, – когда я еду в бассейн и выхожу из дома в половине шестого утра, в темень и холод, то вижу собачников на прогулке, и они укутаны с головы до ног. Там так холодно, что у них пар идет изо рта.

– Ну и что, холода мы не боимся.

Так мы и ходили по кругу. Уступать никто не собирался.

И вот, когда до дня рождения Джозефа оставалось две недели, мне попала статья об африканских карликовых ежах. «Идеальный домашний питомец» – уверял заголовок. Идеальный питомец – это именно то, что нам было нужно. Я показала статью Джозефу.

– Ладно, – удрученно ответил он. – Раз уж мы не можем завести собаку, я согласен на африканского карликового ежа.

Как же я обрадовалась. Уже десять лет мне ловко удавалось отвертеться от собаки в доме. Осталось поугуваривать Джозефа всего каких-то восемь лет, пока он не поступит в колледж и не съедет от нас. Больше половины пути пройдено. Я позвонила в зоомагазин, указанный в статье, чтобы узнать подробности.

– Имейте в виду, – предупредил сотрудник зоомагазина, – африканские ежи довольно сильно колются, вроде дикобразов, и лучше взаимодействовать с ними в резиновых перчатках.

Мое сердце упало. Зачем нам животное, которое невозможно погладить, не надевая перчаток. Я представила, как Джозеф пытается подружиться с дикобразом. И поняла, что сопротивление бессмысленно. Я больше не могла оттягивать неизбежное. У нас было уже достаточно обитателей аквариумов и клеток.

Настало время завести собаку.

Три

Я не люблю делать покупки. Когда мы переехали из Бостона в Филадельфию, я осмотрела за день три дома и в тот же вечер купила один из них. Пока мои сыновья – Джонатан, Джозеф и Джош – были детьми, я дважды в год ходила в магазин одежды и покупала каждому из них по семь комплектов на неделю: спортивные штаны и толстовку либо шорты и футболку. Свою одежду я покупаю примерно по тому же принципу. Я не ищу, где дешевле. Когда мне нужна бытовая техника, я захожу в магазин, покупаю то, что порекомендует продавец, и надеюсь на лучшее.

Но при выборе собаки просто надеяться на лучшее было бы неразумно. Впервые в жизни мне нужно было стать информированным потребителем. Я отправилась в книжный и купила справочник «Все породы собак» на 536 страниц с описанием более 450 пород. Мы по очереди листали книгу и изучали разные породы. Мне вдруг стало интересно, что за собаки живут у друзей моих детей. Джозеф хотел большого пса. Мне заводить собаку не хотелось в принципе, но я полагала, что маленькая собака определенно лучше большой.

Я часто слышала, как родители подростков говорят: «Маленькие детки – маленькие бедки. Большие детки – большие бедки». И если про детей я не могла бы этого утверждать, то про собак – несомненно.

Прошло несколько недель. В один прекрасный понедельник Джонатан пришел домой от товарища по футбольной команде и принялся взахлеб рассказывать о его ирландском пшеничном терьере. Я нашла эту породу в нашем справочнике: собака гипоаллергенная, среднего размера. Судя по описанию, умеет делать все, разве что посудомоечную машину не разгружает. Вот она, наша собака.

Я позвонила маме приятеля Джонатана и узнала имя заводчицы.

– У нас будут щенки в мае, – сказала заводчица, когда я ей позвонила. – Внесу вас в список ожидания.

Мальчишки были счастливы, ну а я – просто в восторге. Я оказалась хорошей матерью, нашла правильную собаку для нашей семьи, и это ничего мне не стоило. К тому же был только январь. До мая было еще так далеко, что казалось, будто он вообще не наступит. Впереди была целая вечность. Бродя по своему дому, свободному от собачьего присутствия, я даже смогла убедить себя в том, что тьякающая, грызущая подушки и писающая на ковер собака – фантазия, которая никогда не станет реальностью. Жизнь казалась прекрасной.

Через три дня мне позвонила заводчица.

– У нас есть Мэтти, ей десять месяцев. Мы планировали участвовать с ней в выставках, но у нее оказалась слишком короткая шея, так что мы готовы ее отдать. Если вам это интересно, можете приехать в воскресенье всей семьей. Мы познакомимся с вами, а вы познакомитесь с Мэтти. И если все сложится, сможете сразу забрать ее домой.

У меня упало сердце. Что я могла на это ответить? Мне и в голову не пришло сказать, что мы предпочли бы дождаться майского щенка, и выиграть тем самым немного времени. Мне и в голову не пришло, что детям сообщать об этом разговоре не обязательно. Я знала, что они захотят взять Мэтти сейчас, а не ждать до мая. И поэтому я могла дать только один ответ: «Это было бы замечательно».

В пятницу после школы мы отправились в зоомагазин. Мы ходили вдоль полок, выбирая миски, лежанки, игрушки, корм. Слушая, как мальчишки живо обсуждают, какая именно игрушка или миска идеально подойдет для Мэтти, я задалась вопросом, не так ли носятся по магазинам приемные родители, когда находят своего малыша. Я бы хотела сказать, что от радости моих детей у меня самой поднялось настроение и что я начала думать о появлении Мэтти с теплотой, но это не так. Правда была беспощадной. Я. Не. Хотела. Собаку. И все же стремление быть хорошей матерью оказалось во мне гораздо сильнее, чем протест против собаки.

В то воскресное утро, пока Энди и мальчики собирались в дорогу (до заводчицы ехать было пятьдесят минут), я медленно и печально прошла по всему дому. Ему предстояло измениться навсегда.

Может, Энди и мальчики о чем-то и говорили по дороге, но я их не слышала. Меня охватил безотчетный страх. И дело было не только в собаке. Ощущение безнадежности и отчаяния, которое в целом мне свойственно, усилилось. Я чувствовала, как депрессия затягивает меня все глубже.

Заводчица и ее муж встретили нас у дома, разделенного на несколько уровней, и провели в гостиную. Они принялись расспрашивать мальчиков о школе, об их увлечениях, домашних питомцах и спортивных успехах. Заводчики явно оценивали моих сыновей, чтобы понять, можно ли доверить им Мэтти. И довольно быстро успокоились на этот счет, чему я вовсе не удивилась.

– Почему бы вам не пройти на кухню? – сказала заводчица, показывая в конец коридора. – А я пока спущусь за Мэтти.

Вслед за мальчиками я прошла на просторную, залитую ярким светом кухню и застыла посередине. У меня не было никаких ожиданий или предчувствий. Не было опасений. Мой разум словно оцепенел. И вдруг в дверь ворвалось белое облако, и не успела я глазом моргнуть, как оно очутилось у моих ног. Тогда, не понимая сама, что делаю, я упала на колени и обняла Мэтти. Мое сердце распахнулось перед ней.

Потом я просто сидела и смотрела, как Мэтти носится кругами от Энди к Джошу, Джонатану и Джозефу, виляя высоко поднятым хвостом. Но вот она снова прибежала ко мне и плюхнулась на мои колени.

Боже мой, я влюбилась! Да и разве можно было не влюбиться в это невероятное, пушистое чудо «среднего размера»? Радость и любовь, которые она излучала, оказались так заразительны.

Просто невозможно заразительны. Ну а моя собственная радость от встречи с Мэтти стала еще сильнее, когда я подняла глаза и увидела ликующие лица моих мальчиков.

Заводчица надела на Мэтти поводок. А потом Энди и муж хозяйки вынесли из дома большую металлическую клетку и поставили ее в багажник нашего универсала. Заводчица перенесла Мэтти в клетку. Прежде чем закрыть ее, она вытащила из кармана наполовину изгрызенного плюшевого единорога.

– Это особенная игрушка Мэтти, – сказала заводчица мальчикам и положила игрушку рядом с Мэтти.

Мальчики понимающе кивнули. У каждого из них тоже была особенная игрушка. Двое старших, правда, задвинули свои на дальние полки, но не убрали их совсем.

Мы попрощались с заводчиками и отправились в обратный путь. Не успели мы проехать и квартал, как я услышала поскуливание Мэтти.

– Это из-за мамы, – сказал мой шестилетний сын Джош. – Мэтти плачет, потому что скучает по своей маме.

Я обернулась посмотреть на своих сыновей. У всех троих по щекам катились слезы.

Мы приехали домой, и едва я открыла дверь, как зазвонил телефон. Это была моя мать.

– Какие новости? – спросила она.

– Мы только вернулись от заводчиков. Теперь у нас есть собака, – сказала я ей.

– Ну и как? – поинтересовалась мама. Она знала, что только мое отношение к материнству вынудило меня согласиться на собаку.

– Это просто чудо! Она ворвалась на кухню, едва заводчица открыла дверь, а я бросилась ее обнимать, как будто это моя собака, которую я давным-давно потеряла и вот теперь нашла, – я не могла сдержать восторг. – Она оказалась такой милой и ласковой. Я в нее прямо влюбилась.

– А что мальчики? Им-то вряд ли нужны эти телячьи нежности.

– Да они сами в восторге, – беспечно отозвалась я. Я испытывала такое облегчение и была так удивлена тем, как легко все получилось с собакой, что даже забыла о мерах предосторожности против вечных насмешек матери. Забыла, что надо говорить четко и по делу, как на допросе. Моя мама – мастер находить плохое в хорошем.

– Заводчица проводила Мэтти, посадила ее в клетку для перевозки, и она начала скулить, едва мы выехали на дорогу. На повороте Джош сказал: «Я думаю, она скучает по своей маме». Я поворачиваюсь к мальчикам, а они плачут, все трое.

Мать молчала. Она любила повторять, что она родом из штата Мэн, а там люди умеют взять паузу и подождать, что скажет оппонент. Мне она звонила только по воскресеньям, и то, если не объявляла очередной бойкот. Но как бы она ни была со мной жестока, вычеркнуть ее из жизни я не могла. Да и отца тоже. Ничего не могла с собой поделаться. Они были частью меня. Я любила их. И не переставала надеяться, что однажды они все же станут ко мне добрее.

Я не из штата Мэн, так что мне захотелось прервать молчание.

– Думаю, все будет в порядке.

– А когда Джош поступит в колледж, собака умрет, – отрезала мать.

Я прикинула в уме. Мама была права. Мэтти действительно могла умереть к тому моменту, когда Джош окончит школу и отправится в колледж. Если мне удавалось найти малейший повод для радости, мать никогда не упускала возможности его обесценить. Каждую ночь, начиная с самой первой, когда мы забирались в постель и Мэтти утыкалась носом в мои ступни, в моих ушах снова звучали мамины слова. И каждый раз я получала напоминание о том, что Мэтти с нами лишь на время, что ее жизнь быстротечна.

Еще много лет мать с неизменным удовольствием рассказывала историю о том, как она отправила подарок Джошу на бар-мицву¹, а курьер, который привез его, убил нашу Мэтти.

---

¹ Достижение еврейским мальчиком религиозного совершеннолетия (13 лет и 1 день). – *Прим. ред.*

Четыре

Я лежала под обеденным столом рядом с курьером службы доставки, полностью растворившись в своем горе. Меня не обидело, что мужчина пытался утешить меня рассказами про своего кота. Как ни странно, я даже не злилась на него за то, что он убил мою собаку, да и меня вместе с ней.

Хлопнула входная дверь.

– Энни? Энни? – послышался голос мужа.

– Мы в столовой, – выкрикнул курьер из-под стола, когда стало понятно, что я отвечать не собиралась. Прежде чем я опомнилась, Энди тоже забрался под стол, и теперь слева от меня лежал сотрудник службы доставки, а справа – мой муж.

Я приподнялась с залитого слезами шерстяного коврика, чтобы вытереть лицо рукавом. И увидела двух полицейских, стоявших плечом к плечу в коридоре и внимательно изучавших нашу компанию под столом.

– Кажется, здесь все более или менее под контролем, – сказал один из полицейских напарнику, покачав головой. – По крайней мере, о ней есть кому позаботиться.

Его коллега кивнул, они развернулись и вышли за дверь.

Я уронила голову обратно на колючий коврик и снова разрыдалась. Никто не произнес ни звука и не шевельнулся.

У меня тяжелая депрессия. Единственное, что помогает мне хоть как-то поднять настроение, – это физическая активность. Каждый день я изнурительно тренируюсь по часу, разгоняя пульс. Иногда после такой тренировки я хорошо себя чувствую в течение нескольких часов. В другие дни меня хватает всего на несколько минут. Но даже минута лучше, чем ничего. Я довольствуюсь тем, что получаю. Главное – что-то делать и двигаться. Пассивность и бездействие выматывают меня еще сильнее. Так что я редко позволяю себе сидеть сложа руки.

Не знаю, сколько я пролежала под обеденным столом между Энди и тем курьером, прежде чем наконец решила встать. Роняя слезы, я выползла из-под стола и торопливо поднялась в свой кабинет. Села в кресло у рабочего стола и принялась листать свой органайзер, выискивая номер заводчиков Мэтти. Взяла телефон.

– Здравствуйте, меня зовут Энн Абель, – произнесла я, когда на том конце ответили. – Семь лет назад мы взяли у вас собаку. Мэтти, помните?

– Да, точно, мы планировали участвовать с ней в выставках, но она не подошла, – подтвердил мужчина, удивив меня своей цепкой памятью.

– В прошлом месяце Мэтти сбила машина, – сказала я. С момента гибели Мэтти прошло меньше часа, но я все же не до конца утратила связь с реальностью и понимала, что не могу признаться в этом. – Мы ищем новую собаку.

Пока я говорила, под моими окнами заурчал двигатель грузовика службы доставки.

– Мне очень жаль, но мы больше не разводим собак.

Плечи мои опустились.

– А вы знаете кого-то, кто разводит?

Он дал мне номер людей, у которых собака должна была принести помет в мае. Я позвонила туда и попросила включить нас в список. Но я понимала, что у меня нет сил ждать столько времени: на дворе стоял декабрь. Гибель нашей чудесной Мэтти стала трагедией. Трагедией для нее самой и для каждого члена нашей семьи. Записывая контакты заводчика, чья собака должна была родить в мае, я думала главным образом о себе. Я писатель-фрилансер, большую часть своего времени провожу дома за рабочим столом, и рядом с ним всегда стоит лежанка, в которой клубочком сворачивалась Мэтти. Когда я делала перерыв в работе, отрывала взгляд от экрана и смотрела на Мэтти, мирно сопящую на своем месте, сердце мое наполнялось радо-

стью, я чувствовала прилив бодрости. Лучшего компаньона нельзя было и представить. Каждые пару часов я будила ее, нежно почесывая за ушами или поглаживая животик. Потом мы спускались по лестнице, и я выпускала ее на улицу на несколько минут. Когда она возвращалась, я давала ей лакомство, и мы вместе поднимались в кабинет, где я снова принималась за работу, а Мэтти погружалась в дрему.

На следующий день после того как мы взяли Мэтти, когда все отправились в школу и на работу, Мэтти поднялась со мной в мой кабинет и тут же уснула на своей новой лежанке. Я работала и поглядывала на нее. Чуть-чуть поработаю и проверяю, как она. Собака не елозила, не открывала глаза и не смотрела по сторонам. Она просто посапывала: вдох-выдох, вдох-выдох. Я позвонила Энди на работу.

– Энди, она ничего не делает, только лежит на своем месте и спит, – сказала я. – Как думаешь, с ней все в порядке?

Энди рассмеялся.

– А что, по твоему, она должна делать? Книжку читать?

Я его услышала. С тех пор для меня было более чем достаточно, что мы с Мэтти вместе, пока я работаю, а она спит.

Рядом с Мэтти я никогда не чувствовала себя одинокой или оторванной от мира. Поэтому, когда она погибла, помимо отчаяния и боли я испытывала страх, оттого что теперь буду дома одна.

Я боялась, что от каждого взгляда на пустую лежанку Мэтти моя депрессия будет обостряться. Чтобы заполнить эту пустоту не только эмоционально, но и физически, мне была нужна новая собака. Я прекрасно понимала, что заменить Мэтти в моем сердце будет не так-то просто, если не сказать невозможно. Но надеялась, что присутствие другой собаки хоть немного отвлечет меня и поможет смягчить боль, оттого что Мэтти больше нет.

Я набирала один номер за другим, обзванивала всех заводчиков подряд. И каждый раз меня ждало разочарование. Кто-то больше не занимался разведением собак. Кто-то раздражался и говорил, что щенок нужен мне в качестве рождественского подарка, а сразу после праздников я, несомненно, верну его.

Я собиралась сделать очередной звонок, когда в дверях появился Энди, чем меня напугал. Оглядываясь назад, я понимаю, что тогда мной руководила травма. Мой инстинкт самосохранения вытащил меня из-под обеденного стола и отправил наверх, за мой рабочий стол, чтобы я смогла заняться делом, чтобы я двигалась вперед и не рухнула в разверзающуюся передо мной пропасть. А теперь, увидев Энди, я почувствовала, как моя защита – поиски новой собаки взамен Мэтти, полностью захватившие мое внимание, – рассыпается.

– Уже пора забирать Джозефа и Джоша, – сказал он, грустно качая головой.

Я взглянула на часы. Он был прав. Я снова посмотрела на Энди, и моя скорбь сменилась ужасом.

– О, Энди, как мы им обо всем расскажем? – спросила я.

До этого момента я тонула в своем собственном горе и не осознавала, что моим родным тоже будет больно. О семье я подумала первый раз. Прежде я думала лишь о себе и о Мэтти.

– Поедем за мальчиками вместе, – сказал Энди. – Мы справимся.

За те десять минут, что мы ехали до школы, ни я, ни Энди не произнесли ни слова. Мы приехали до звонка с урока, оставили машину на нижней парковке, где я всегда встречала мальчиков, и принялись ждать. Вскоре на парковке один за другим стали появляться дети, они высматривали свою машину и торопливо пробирались к ней, радуясь, что их уже встречают.

Мы с Энди вышли из машины и стояли посреди парковки, глядя на двери школы. Некоторые дети узнавали нас, здоровались или просто махали в знак приветствия. Я выдавливала из себя улыбку. Наконец мы увидели, что в нашу сторону направляются Джозеф и Джош. Заметив Энди, мальчики расплылись в улыбках и помчались к нам.

– А ты что тут делаешь? – подбежав, обрадованно спросил Джозеф.

Я смотрела на сыновей, не на Энди. И видела, как изменились их лица, когда Джозеф уже задал свой вопрос, а никто из нас еще не ответил: они поняли, что случилось что-то страшное.

– Мэтти погибла. Ее сбил грузовик службы доставки прямо на нашей дорожке, – сказала я, обняла обоих и снова начала всхлипывать.

– Нет! – закричал Джозеф. – Нет!

Он выронил рюкзак с учебниками и обеими руками крепко прижал меня к себе.

– Нет, нет, – все повторял он, уткнувшись лицом мне в плечо, отчего его голос звучал приглушенно.

Мы все вчетвером стояли посреди парковки, обнявшись, и эти семейные объятия были полны скорби и отчаяния. В какой-то момент я подняла глаза и встретила взглядом с матерью одного из друзей Джозефа. Она грустно улыбнулась мне.

Когда мы наконец отпустили друг друга и сели в машину, парковка уже опустела. Дорога домой была такой же тихой, как и дорога в школу, разве что время от времени я всхлипывала или кто-то из мальчиков шмыгал носом.

Дома мы молча посидели за кухонным столом, изучая заплаканные лица друг друга. Спустя какое-то время Джозеф вскочил с места.

– Мне надо делать уроки, – он тряхнул головой и вытер глаза.

– И мне, – сказал Джош, поднялся и закинул за плечо рюкзак с учебниками.

Мы с Энди смотрели, как мальчики выходят из кухни.

– Я не могу просто сидеть здесь, – сказала я Энди, оставшемуся напротив меня за столом. – Пойду потренируюсь.

И хотя утром я уже отзанималась положенное время, я надела спортивный костюм и снова села на велотренажер. Это мое самое действенное успокоительное. Я устроилась на сиденье, надела наушники и включила старые хиты, которые для меня скачал Энди. Ноги устали сильнее обычного, потому что тренировка в тот день у меня уже была. Я сосредоточилась на энергичном ритме, позволила ему проникнуть в голову и спуститься ниже – в ноги, заставляя их крутить педали. Я отключила разум от всего, кроме музыкального ритма и обратного отсчета тренировки. Минута за минутой я добралась от шестидесяти минут до нуля.

Когда тренировка закончилась, я уронила голову на панель тренажера. Сердце бешено колотилось. По рукам и по телу ручьями стекал пот, а майка промокла насквозь. Я сделала глубокий вдох, подняла голову и спрыгнула с велотренажера. Пока прилив энергии после тренировки не иссяк, я схватила толстовку и побежала в свой кабинет – обратно к телефону. Я по-прежнему хотела найти новую собаку.

Усевшись в кресло, я внезапно вспомнила про Джейн, жену одного из коллег Энди. У нее жили пять собак. Одна из них – бишон-фризе², маленькая комнатная собачка, которая не линяет. Джейн на звонок не ответила. Я оставила ей слезливое голосовое сообщение. Затем отправилась в постель – без душа, без ужина, надеясь поскорее уснуть и положить конец этому ужасному дню.

---

² В России породу также называют «французская болонка». – *Прим. ред.*

Пять

Уснуть той ночью мне никак не удавалось. Перед глазами стояла открытка, которую однажды мать прислала мне ко дню рождения. «Нашей замечательной дочери» – было написано золотыми буквами на лицевой стороне открытки, изображавшей букет в пастельных оттенках. Внутри, на правом развороте, тем же шрифтом – «Еще один год для единственной и неповторимой тебя». А на левом развороте черной ручкой было приписано личное поздравление от моей матери: «Дорогая Энн! Когда ты родилась, мне было 22 года. Я тебя не хотела, у меня были совсем другие планы. Но вот ты есть. С любовью, мама».

Эту открытку она прислала мне через три недели после того, как мне исполнилось сорок четыре года. И хотя с тех пор прошло уже пять лет, эти слова до сих пор меня ранят. Всю жизнь моя мать вела против меня партизанскую войну. Она редко упускала возможность нападения. А если не нападала, то затаивалась в засаде. В результате я десятилетиями боролась с депрессией. Каждую неделю я встречалась с психоаналитиком и перепробовала два десятка антидепрессантов. В основном мне удавалось держаться на плаву. Но после каждого удара матери я чувствовала себя опустошенной, несмотря на все мои усилия.

Получив ту открытку ко дню рождения, я швырнула ее на столик в коридоре, поднялась к себе и бросилась на кровать лицом в подушку. Не знаю, сколько я так пролежала, когда в комнату вошел Джозеф, которому тогда было двенадцать, в сопровождении радостно виляющей хвостом Мэтти.

– Мамочка, с тобой все в порядке?

Я села на кровати и в ответ на его вопрос покачала головой.

– Это из-за бабушки? – когда я открывала конверт с открыткой, Джозеф оказался рядом.

Я кивнула. Жестокосердие моей матери ни для кого не было секретом. Мы и раньше с этим сталкивались.

– А ты пойдешь на игру к Джонни?

Джонатану было четырнадцать. Вечером того дня мы с Джозефом планировали пойти к нему на футбольный матч.

– Я никуда не пойду, – безучастно ответила я. Джозеф застыл в дверях, не говоря ни слова.

Когда я отвернулась и уставилась в окно, он вышел, беззвучно прикрыв за собой дверь спальни.

Не отрываясь, я смотрела на голую костлявую ветку, тянущуюся вдоль оконных стекол. Я устала. Ужасно устала от всего, устала ненавидеть мать.

Вдох-выдох. Я представила Джозефа, идущего на матч без меня. Свесила ноги с кровати, встала, подошла к шкафу, скинула спортивные штаны и натянула джинсы и свитер. Припудрилась перед зеркалом и сделала шаг назад, чтобы оценить, как я выгляжу. Подбородок обвис, глаза полуприкрыты с опухшими от слез веками. Я все еще разглядывала себя в зеркале, когда вернулся Джозеф.

– Мамочка, я думаю, Вискерса придется усыпить, – голос Джозефа дрожал. – Когда он пытается ходить, ему очень больно, я вижу.

Вискерсом звали четырехлетнюю песчаную крысу Джозефа. За три месяца до этого Вискерсу сделали операцию и удалили опухоль на правой передней лапке. Теперь опухоль снова появилась. Ветеринар сказала, что в этом случае единственный выход – ампутация. Но делать ее не советовала, потому что тогда качество жизни крысы заметно ухудшится.

Я взглянула на Джозефа, сгорбившегося передо мной, а потом перевела взгляд на часы. Без десяти шесть, пятница. Я бросилась к телефону, позвонила ветеринару и попросила ее

задержаться. Мне не хотелось продлевать это мучение до понедельника. Я схватила пальто, Джозеф взял Вискерса, и мы рванули к машине.

Обычно я вожу машину как придется, но в тот день мы ехали в час пик, и я была сосредоточена. На соседнем сиденье всхлипывал Джозеф.

– Джозеф, Вискерс прожил длинную и прекрасную жизнь. Ты любил его и замечательно о нем заботился.

Джозеф закрыл глаза, кивнул и сглотнул подступающие рыдания.

– Я знаю, мамочка. Но это так грустно. Я буду скучать по нему.

– Да, это грустно. Очень грустно. Но он не будет знать, что происходит. Он ничего не почувствует, Джозеф. Просто уснет, вот и все. Мы все будем по нему скучать.

И хотя я редко видела Вискерса, который жил в клетке на комоду Джозефа, в тот момент я действительно верила, что буду скучать по этому маленькому грызуну.

На парковке перед ветеринарной клиникой стояли всего две машины. Из-за стойки нам сочувственно улыбнулась женщина в клюквенно-красном медицинском костюме.

– Присаживайтесь. Мы пригласим вас через несколько минут.

Мы с Джозефом сели в пустом холле и стали ждать. Джозеф, ссутулившись, прижимал к груди клетку с Вискерсом. Я обнимала сына, поглаживая его плечо. Руки и ноги у меня были холодными, плечи – напряженными; я вспомнила золотые буквы на открытке: «Нашей дочери». Тут медсестра вышла пригласить нас в смотровой кабинет, и я замешкалась в нерешительности. Но когда Джозеф вскочил на ноги, инстинктивно последовала за ним.

Ветеринар извлекла Вискерса из клетки и обхватила зверька ладонями. Вискерс дрожал. Она гладила его по голове указательным пальцем и что-то ворковала, пока прощупывала правую лапку и изучала опухоль. Врач держалась так спокойно, ее мягкость так убаюкивала. Я надеялась, что вот сейчас она посмотрит на нас и предложит другое решение. Но этого не произошло.

– Ты прав, Джозеф. Опухоль Вискерса растет теперь очень быстро. Ему ужасно неудобно передвигаться с такой лапой, – ветеринар, миниатюрная женщина лет тридцати, все еще гладила Вискерса по голове. Она немного наклонилась к Джозефу, чтобы быть с ним на одном уровне.

– Он прожил очень долгую, очень хорошую жизнь. Ему не будет больно. Его жизнь останется прекрасной до самого конца, а на небесах он будет счастлив.

Джозеф кивнул. Он застыл неподвижно и не отрываясь смотрел на Вискерса, которого ветеринар все еще сжимала в ладонях. Женщина грустно улыбнулась мне и вышла, унося Вискерса с собой. Когда дверь за ней закрылась, Джозеф повернулся ко мне и уткнулся лицом в мой пуховик. Мы стояли обнявшись и плакали. Я могла бы плакать вместе с ним вечно. Первым объятия разомкнул Джозеф. Он принялся вытирать глаза рукавом своей куртки, пока я не отыскала в кабинете упаковку салфеток. Истребив кучу салфеток и сделав несколько глубоких вдохов, мы решили, что достаточно успокоились и можем пройти обратным путем через холл.

Добежав до машины, мы захлопнули дверцы, посмотрели друг на друга и снова расплакались. Я обнимала Джозефа одной рукой, а другой гладила его по голове. Мимо прошли ветеринар и медсестра, они грустно улыбнулись нам и сели в свои автомобили. На полу в машине тоже лежала упаковка салфеток, и мы с Джозефом по очереди передавали ее друг другу.

Движение на дорогах и тротуарах уже стихло, но никто из нас и не заикнулся о том, что пора домой. Мы затаились в машине под покровом темноты. Держась за руки, мы с Джозефом время от времени легонько пожимали друг другу ладони. С каждым пожатием я делала глубокий вдох и старалась стереть из памяти написанные моей матерью слова: «Я тебя не хотела».

– Хочешь, поедем и купим тебе другую песчанку? – спросила я через некоторое время. Зоомагазин находился всего в десяти минутах езды, и я подумала: не поможет ли новая крыса сгладить горе Джозефа.

– Да нет, мамочка, – сказал он. – Я не могу просто заменить Вискерса другой крысой. Я улыбнулась ему, тронутая глубиной его чувств.

Когда мы въехали в гараж, свет в нашем доме уже не горел. Я выключила зажигание, но никто из нас не шелохнулся, и наши рыдания возобновились с новой силой. Фонари в гараже погасли.

– Мамочка, а ты плачешь из-за бабушки? – мягко, но настойчиво спросил Джозеф.

– Да, Джозеф. Я плачу из-за Вискерса, из-за бабушки, и... Джозеф, я плачу вообще из-за всего.

Он потянулся ко мне через сиденье и вложил свою ладонь в мою.

– Мамочка, теперь мы твоя семья, и мы тебя любим.

От его слов я расплакалась еще сильнее. Потом, крепко сжав его руку, закрыла глаза.

– Пошли домой, – наконец произнесла я и открыла дверцу машины. На кухню поздороваться с нами прибежала Мэтти.

– Мэтти, как хорошо, что ты здесь, – сказал Джозеф, плюхнулся на колени и обнял ее.

Вместо песчанки размером с ладонь передо мной теперь была Мэтти, и мне нужно было перестроиться на ее габариты, ее отзывчивость и активность. Наблюдая, как Мэтти галопом несется за Джозефом в холл, я содрогнулась, представив, какую печаль испытает Джозеф, когда умрет Мэтти, раз сейчас он так горюет по Вискерсу.

За ужином Энди сказал несколько слов о Вискерсе, о любви Джозефа к животным. Все остальное время мы молчали. В конце ужина Джозеф позвал Мэтти и, когда она, виляя хвостом, прибежала из холла, мы все потянулись погладить ее. Наблюдая, как беззаботно раздает свою любовь Мэтти и как веселятся мальчики, я немного зарядилась энергией, поднялась со своего места и поплелась наверх в ванную умыться.

В ванной было холодно, а мое лицо в зеркале над раковиной казалось ужасно бледным из-за кафельной плитки цвета авокадо. Я взяла из стаканчика зубную щетку. Еще одно дело, и этот жуткий день с запоздалой открыткой от матери и смертью Вискерса закончится. Я выдавила зубную пасту на щетку и сунула ее в рот.

– Мамочка, я уже выучил наизусть две молитвы для бар-мицвы. Хочешь послушать? – спросил Джозеф, возникнув в проеме двери в ванную.

Его кожа насыщенно-оливкового оттенка, его темные волнистые волосы, казалось, затмевали яркий свет беспощадной флуоресцентной лампы, сочившийся из шкафа позади него. Сейчас этот бодрый парнишка, принесший свернутую в рулон голубую брошюрку о бар-мицве, совсем не походил на того мальчика, который плакал навзрыд у меня на груди в ветеринарной клинике всего пару часов назад. Он робко улыбнулся и переступил с ноги на ногу. Вернуть Вискерса мне не под силу, но выслушать молитвы я вполне могу.

– Ага, – пробормотала я, гадая, как он додумался вечером в пятницу – вечером того дня, когда случилось такое несчастье, – готовиться у себя в комнате к бар-мицве, празднику, до которого еще целых девять месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.